

О факторах роста интереса арабских стран к евразийскому геополитическому пространству

Матвеев Игорь Александрович

Кандидат исторических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [2933-1143](https://elibrary.ru/2933-1143), ORCID: [0000-0002-4611-5669](https://orcid.org/0000-0002-4611-5669), matveev.i@my.mgimo.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, РФ.

Аннотация

В связи с динамичным развитием разноплановых контактов между Россией и арабским миром в условиях неуклонно увеличивающегося политического и экономического интереса арабских стран¹ к евразийскому геополитическому пространству особую важность приобретает адекватная оценка причин и запаса прочности подобного роста, что позволило бы хеджировать политические и деловые риски, прогнозируя сценарии развития событий, а главное, купировать возможные вызовы и проблемы. От того, насколько устойчивой, в том числе к санкционному давлению Запада, окажется новая парадигма отношений между Россией и арабскими странами, зависит успешная реализация утвержденной 31 марта 2023 г. Концепции внешней политики Российской Федерации в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Это в полной мере коррелируется с российскими усилиями по продвижению интеграционных процессов в Евразии, прежде всего в формате Шанхайской организации сотрудничества, а также за пределами данного пространства с привлечением крупных евразийских стран (Индии, Китая) и неевразийских «восходящих держав» (Бразилии, ЮАР) на площадке БРИКС. Содержащийся в статье комплексный анализ факторов интереса арабских стран к евразийскому пространству, который дополняет имеющиеся фрагментарные отечественные и зарубежные исследования, призван сформировать перечень аргументов в пользу доказательства гипотезы о стратегическом, а не сугубо тактическом характере заинтересованности арабских элит в сотрудничестве с Россией и другими государствами Евразии. Такие аргументы касаются и общности восприятия нынешнего исторического перехода от однополярного мира к многополярному.

Ключевые слова

Евразия, Россия, арабский мир, Концепция внешней политики РФ, многополярный мир, суверенизация внешней политики, интеграция, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС.

Для цитирования

Матвеев И.А. О факторах роста интереса арабских стран к евразийскому геополитическому пространству // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104(S). С. 49–61. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-49-61

Drivers of Arab Countries' Growing Interest to the Eurasian Geopolitical Space

Igor A. Matveev

PhD, Associate Professor, ORCID: [0000-0002-4611-5669](https://orcid.org/0000-0002-4611-5669), matveev.i@my.mgimo.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Facing the dynamic development of diversified contacts between Russia and the Arab world amidst the steadily increasing political and economic interest of Arab countries² in the Eurasian geopolitical space, an adequate assessment of the causes and the strength potential of such growth has acquired particular importance. This enables us to hedge both political and business risks by predicting scenarios for the future development, and, which is even more important, to address effectively challenges and problems. The successful implementation of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation approved on March 31, 2023 in the medium and long terms depends on the survivability of the new paradigm of relations between Russia and the Arab countries, regardless of the anti-Russia Western sanctions. This fully correlates with Russian efforts to promote integration processes in Eurasia, primarily under the within the framework of the Shanghai Cooperation Organization as well as outside Eurasia with the involvement of big Eurasian states (India, China) and the non-Eurasian “rising powers” (Brazil, South Africa, etc.) on the BRICS platform. The comprehensive analysis of the factors which have been stimulating the interest of the Arab countries in Eurasia, complementing the already existing sporadic domestic and foreign studies, is intended to form a list of arguments in favor of proving the hypothesis of the strategic, rather than purely tactical nature of the intentions of Arab elites to cooperate with Russia and other Eurasian states. Such arguments imply among other things the common perception by Russia and the Arabs of the current historical transition from the unipolar to a multipolar world.

Keywords

Eurasia, Russia, Arab world, Foreign Policy Concept of the Russian Federation, multipolar world, sovereignization of foreign policy, integration, Shanghai Cooperation Organization, BRICS.

For citation

Matveev I.A. (2024) Drivers of Arab Countries' Growing Interest to the Eurasian Geopolitical Space. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104(S). P. 49–61. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-49-61

¹ Под арабским миром и арабскими странами в данной статье понимаются 22 государства — члена Лиги арабских государств.
² In this article, the notions of the Arab world and Arab countries encompass the territories of 22 member states of the League of Arab States.

Введение

Участвуя в формировании и реализации новой парадигмы отношений России с арабским миром в русле утвержденной в 2023 году Концепции внешней политики Российской Федерации (КВП), которая, в частности, предусматривает поддержку Сирии, углубление партнерства с Саудовской Аравией и Египтом, линию на формирование на Ближнем Востоке и в Северной Африке устойчивой архитектуры региональной безопасности на основе консолидации потенциалов всех государств и межгосударственных объединений регионов, включая Лигу арабских государств (ЛАГ) и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)³, российские дипломаты, ученые, эксперты, представители делового сообщества все чаще задаются вопросом относительно запаса прочности российско-арабских отношений.

Хеджирование возникающих в этой связи политических и экономических рисков требует четкого понимания причин и мотивов роста интереса арабских элит к России, их отказа поддержать западные санкции. Продиктованы ли дружественные жесты арабских лидеров в адрес Москвы (например, подчеркнуто теплый прием, оказанный Президенту РФ В.В. Путину в ходе блиц-визитов 6 декабря 2023 г. в ОАЭ и Саудовскую Аравию) сугубо «восточным прагматизмом», либо за ними скрывается нечто большее. Важным обстоятельством является тот факт, что нынешний этап активного развития российско-арабских отношений пришелся на переход от однополярного к многополярному миру. И Россию, и арабов интересует его будущее облик и архитектура в свете нарождающихся центров силы и региональных держав на различных геополитических пространствах. Особое место среди последних занимает Евразия, уникальность которой заключается в том, что здесь располагаются сразу три незападных «полюса влияния» в лице России, Китая и Индии. Данное обстоятельство объясняет актуальность темы настоящей статьи.

Цель исследования заключается в определении политических, экономических и идейных скреп интереса стран ЛАГ к геополитическому пространству Евразии путем соотнесения дискурсов реализма и «либерализма»⁴ во внешней политике. Исходя из того, что в первом случае во главу угла, как известно, ставятся уникальные для каждого государства национальные интересы, тогда как во втором — общие ценности и подходы к международным отношениям. Тем самым автором статьи предпринята попытка доказать научную гипотезу о том, что стремление арабских элит наладить отношения с Евразией и Россией как ее важнейшей частью носит не краткосрочный (тактический), а долговременный (стратегический) характер, базируется не только на соображениях реальной политики (*realpolitik*⁵), но и общности идейных представлений и императивов во внешней политике (национализм, интеграционизм, ирредентизм, антиглобализм). Что в XXI веке в полной мере согласуется с процессами суверенизации политики государств Глобального Юга на фоне вызванной усталостью от западного диктата волны противодействия неокOLONIALИЗМУ в борьбе за сохранение

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. Пункты 56.1 и 56.2 // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 17.02.2024).

⁴ В данной статье рассматривается дискурс либерализма, поскольку государства, в чем стоит согласиться с А.Ю. Мельвилем, в своих действиях руководствуются самыми различными соображениями: от решений, продиктованных идеальными (вплоть до моралистических по форме) мотивами до таких, которые принимаются под давлением жестоких факторов «реальной политики» [Мельвиль 2002, 331]. Для примера можно сослаться на проекты арабской интеграции, включая создание в 1958–1961 гг. Объединенной Арабской Республики в составе Египта и Сирии в русле «романтических» идей арабского национализма. Слово «либерализм» взято в этой статье в кавычки, поскольку в классической трактовке либерализм, как отмечает тот же А.Ю. Мельвиль, подразумевает чисто западные нарративы основополагающих либеральных принципов — индивидуальной свободы, индивидуализма как экономического, политического и морального принципа, демократии, прав человека, правовых основ международных отношений. Тогда как автор статьи, пусть в концептуально сходной парадигме, рассматривает не западные, а не-западные ценностные ориентиры и мотивы национальных государств Евразии и арабского мира.

⁵ Термин введен в оборот в 1853 году немецким историком и общественным деятелем Людвигом Августом фон Рохау в книге «Основы реальной политики в применении к государственному устройству Германии» [von Rochau 1853] и обозначает преимущество действий сообразно фактическим условиям над идеями, идеологиями, соображениями этики и морали.

национальной идентичности (арабск. хавийя) и исламской цивилизации, за устойчивое развитие и более справедливое разделение труда в мировой экономике.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- описать географические векторы внешней политики и внешнеэкономической деятельности (ВЭД) арабских стран в Евразии и их субстантивное наполнение;
- сделать обзор интеграционных и ирредентистских устремлений арабских стран для иллюстрирования исторической близости концептов Арабского и Русского миров;
- идентифицировать современные вызовы (в том числе общие) на пространствах арабского мира и Евразии в области политики и национальной безопасности, экономики (продовольственной и технологической безопасности) и общественных отношений;
- проанализировать стимулы роста интереса арабских стран к интеграционным объединениям на евразийском пространстве или с участием евразийских держав, а также к развитию двусторонних отношений с евразийскими центрами силы (Россией, Китаем) и государствами в географических регионах Евразии, таких как Центральная Азия;
- обрисовать интерес в арабских странах к изучению конфликтов на евразийском пространстве, их взаимозависимостей и влияния на мегарегион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА);
- сделать аргументированные выводы, подтверждающие правомерность гипотезы о стратегическом характере заинтересованности арабских элит в развитии отношений с государствами Евразии, что выходит за пределы парадигмы меняющихся союзов (changing alliances).

Обзор источников и литературы

Логично, что в странах ЛАГ и ССГАПЗ выходят географические карты Евразии на арабском языке и научные труды по отдельным аспектам, связанным с Евразией. Так, в работе «Новая Евразия и ее влияние на стратегическое мышление в России: мотивы и границы вмешательства на Украине и в Сирии»⁶ анализируется политика РФ в контексте украинского и сирийского кризисов. Что вполне коррелируется с российскими исследованиями, такими как рабочая тетрадь И.А. Матвеева⁷. Доклад Джалала Кхашибя «Современная геополитика России: теоретические устремления и ограничения в реализации», подготовленный в 2018 году для Исследовательского и консультационного центра «Идрак» (учрежден в 2014 году в Сирии), сопоставляет теорию и практику во внешней политике РФ в привязке к концепции «Новой Евразии»⁸. Есть и фрагментарные работы на Западе, например статья эксперта Гентского университета (Бельгия) Бруно Де Кордые с попыткой охарактеризовать принципы инвестиционного сотрудничества Исламского банка развития с государствами Центральной Азии (ЦА) и Закавказья под углом дихотомии общей идентичности — экономического прагматизма [Де Кордые 2014].

Таким образом, попытка автора комплексно, а не по отдельности рассмотреть факторы роста интереса арабских стран к Евразии составляет новизну настоящей статьи.

⁶ Зарниз А. аль-Урасийя аль-джадида ва таасируха фи аль-фикр аль-истратиджий ар-русий: давафияу ат-тадакхуль фи Украина ва Сурия ва худудуху [Новая Евразия и ее влияние на стратегическое мышление в России: мотивы и границы вмешательства на Украине и в Сирии]. Абу-Даби: Центр стратегических исследований ОАЭ, 2022.

⁷ Матвеев И.А. Политэкономическая модель урегулирования ситуации в Сирии в контексте украинского конфликта. М.: Российский совет по международным делам, 2022.

⁸ Кхашиб Дж. аль-Джеоболитик ар-Русийя аль-хадиса ва аль-муасыра: туммуху ан-назарийя ва худуду ат-тадбик [Современная геополитика России: теоретические устремления и ограничения в реализации]. Алеппо: Исследовательский и консультационный центр «Идрак», 2018.

Общие вызовы для государств Евразии и стран арабского мира

Рассмотрение факторов роста интереса арабских стран к Евразии с точки зрения реализма следует начать со сравнительного анализа политических процессов, которые развернулись на евразийском пространстве и в арабском мире на рубеже тысячелетий с целью показать наличие ряда общих вызовов и угроз.

После распада СССР постсоветские страны Евразии (Россия; Украина и Молдова в Восточной Европе; Азербайджан, Армения и Грузия в Закавказье; Таджикистан и Кыргызстан в Центральной Азии) в 1990-е годы вступили в полосу внутренней нестабильности, которая во многих случаях быстро переросла в зоны конфронтаций (приднестровский, карабахский, абхазский, юго-осетинский, таджикский конфликты).

При этом и Евразия, и БВСА унаследовали от Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений замороженные конфликты вокруг Тайваня и Кашмира, многолетний израильско-палестинский конфликт, противостояние Ирана с Западом и Саудовской Аравией, на которое наложилось религиозное соперничество между мусульманами-суннитами и шиитами, конфронтация Алжира с Марокко в контексте западно-сахарского конфликта, глубоко разделенные общества (ГРО) в Ираке, Йемене, Ливане, Сомали⁹. Обусловленный ликвидацией мирового лагеря социализма идейный вакуум и кризис левых идеологий спровоцировали радикализацию и политизацию ислама с появлением таких негосударственных акторов (НГА), как террористическая «Аль-Каида» (впоследствии и ИГИЛ)¹⁰. Прекращение советской военной помощи в 1990-е годы еще больше дестабилизировало внутреннюю обстановку в Афганистане и Йемене, оставив один на один с враждебным Западом авторитарный режим С. Хусейна в Ираке, где в условиях ГРО резко усилился курдский сепаратизм, и режим М. Каддафи в Ливии. Сомали распалось на части, раздираемые гражданской войной, превратившись в «несостоявшееся государство» (failed state).

Первое и второе десятилетия XXI века ознаменовались новыми множественными и во многом синхронными по времени витками напряженности в Евразии и арабском мире. С подачи и при поддержке Запада произошли «цветные революции» в Грузии (2003 г.), на Украине (2004, 2013–2014 гг.), в Киргизии (2005, 2010, 2020 гг.), Армении (2018 г.). Арабские страны после «революции кедров» в Ливане (2005 г.) столкнулись с мощной волной протестов в 2011 году, которая, охватив обширное пространство БВСА от Магриба до Персидского залива, получила название «арабской весны». Думается, прав А.В. Манойло, утверждая, что именно применение западными представителями технологий «управляемого хаоса» для дирижирования «арабской улицей» внесло лепту в «цветные революции» «арабской весны» [Манойло 2013, 30]. В некоторых государствах это привело к свержению режимов в результате народных бунтов (Тунис), при содействии местных военных (Египет) и НГА (Йемен) или при прямом иностранном вмешательстве (Ливия). В других случаях власть устояла (Алжир, Бахрейн), в том числе благодаря поддержке внешних союзников (Сирия).

В 2010–2020-е годы обнаружилась опасная тенденция к реэскалации конфликтов на пространствах Евразии и БВСА, отличительными чертами которой стало появление на волне «арабской весны» цепочки внутренних вооруженных конфликтов (Ливия, Сирия, Йемен), а с другой стороны, обратное перерастание замороженных конфликтов в «горячие» (Вторая Карабахская война 2020 г., вынужденная российская СВО на Украине с 24 февраля 2022 г., война в Газе с 7 октября 2023 г.).

⁹ Основателем теории ГРО, предполагающей наличие в обществе бинарных противоречий на этнической, религиозной и другой почве, является британский исследователь Адриан Гелке [Guelke 2004]. В России эту теорию применительно к обществам Ближнего Востока развивает академик В.В. Наумкин. К ГРО он относит такие арабские страны, как Сирия, Ирак, Ливия, Йемен, Бахрейн, Ливан, а также неарабский Афганистан [Наумкин 2015, 67].

¹⁰ Террористические организации «Аль-Каида» и ИГИЛ запрещены в РФ.

К.М. Труевцев, на наш взгляд, оправданно относил все эти события ко второй волне турбулентности, признавая первой волной «арабскую весну» 2011 года [Труевцев 2020, 212].

На основе изложенного следует вывод о наличии для стран Евразии и арабского мира общего вызова, а именно региональной конфликтогенности, с которой связаны угрозы терроризма и экстремизма. Опасность этих угроз увеличивается в условиях процесса глобализации торговых потоков и логистических цепочек, пролегающих через Евразию и БВСА (китайская инициатива «Один пояс, один путь», альтернативный проект Индия — Ближний Восток — Европа, транспортный коридор Север — Юг).

Серьезным экономическим вызовом для целого ряда государств Евразии и БВСА остаются внешние санкции, которые зачастую вводятся Западом в обход СБ ООН. Наряду с конфликтами и кризисами они подрывают технологический суверенитет и продовольственную безопасность стран, против которых применяются, сдерживая их устойчивое развитие и повышая волатильность глобальных и региональных рынков (текущий пример — негативное влияние украинского кризиса).

Сейчас санкции активно применяются против России, Ирака (в 1990–2003 гг. до свержения С. Хусейна), Ирана, Йемена (хуситов), КНДР, Ливана (Хизбаллы), Ливии, Мьянмы, Сирии, Сомали и Судана, ограниченно против КНР¹¹, что консолидирует страны-объекты санкций в плане двустороннего сближения и формирования партнерств (между Россией и Ираном/ КНДР/ Сирией и др.), межгосударственной интеграции и дипломатической координации, например, в ООН.

Географические векторы внешней политики и ВЭД арабских стран в Евразии

Прежде чем приступить к рассмотрению направлений интереса арабских стран к Евразии в сфере внешней политики и экономики, используя метод двумерного анализа (обзор пространственного и функционального охватов повестки сотрудничества), имеет смысл обозначить географические пределы Евразии для цели настоящего исследования. В качестве базовой основы используется «линия Брандта», которая была представлена в 1980 году Независимой комиссией по вопросам международного развития (Independent Commission on International Development Issues) и получила название в честь главы этой комиссии, бывшего канцлера ФРГ Вилли Брандта¹². Эта линия, как справедливо отмечает И.Ю. Кисленко, стала визуальной репрезентацией разделения мира по уровню ВВП разных стран на экономически богатый Север и менее благополучный Юг [Кисленко 2020, 119].

Вместе с тем для решения задач этой статьи в Евразии следует в качестве объекта интереса арабских стран выделить евразийское геополитическое пространство, куда входят Россия и страны Глобального Юга: 26 из 57 государств — членов Организации исламского сотрудничества (ОИС), включая 12 стран ЛАГ в Азии, Армению, Бутан, Вьетнам, Грузию, Индию, Иран, Индонезию, Камбоджу, Китай, КНДР, Лаос, Монголию, Мьянму, Непал, Таиланд, Филиппины, у которых есть сходное восприятие современного мира как переживающего переход от однополярного мира к многополярному, а также стремление к суверенизации внешней политики и ВЭД. Субъектом интереса к Евразии выступают все страны ЛАГ в Азии и Африке. Таким образом, за рамками исследования остаются причисляемые к Глобальному Северу государства Европы, включая 27 членов ЕС. Здесь действует иная парадигма сотрудничества, основанная не на равноправии и многополярности, а на схеме «глобальный центр — периферия»¹³, когда постиндустриальный Глобальный Север/ Запад,

¹¹ Санкции: все что нужно знать о санкциях, их субъектах, объектах и предметах // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/sanctions> (дата обращения: 17.02.2024).

¹² North — South: A Programme for Survival. ICIDI Report // UNESDOC [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000039496> (дата обращения: 17.02.2024).

¹³ Модель «центр — периферия» (core-periphery model) — алгоритм взаимодействия центральных и периферийных районов в процессе развития. Разработана в 1966 году американским географом Дж. Фридманном [Friedmann 1966].

включая его азиатские форпосты (Израиль, Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Япония), выступает поставщиком технологий и дорогостоящей продукции, а Глобальный Юг — в лучшем случае их реципиентом и «младшим» инвестором на Западе, а традиционно — источником сырья и дешевой рабочей силы, производителем массовых товаров.

Основными региональными и страновыми объектами, определяющими интерес арабских стран к Евразии с точки зрения географического охвата, являются большие державы и в их лице нарождающиеся полюсы мирового влияния (Россия, Китай, Индия), а также мегарегионы Юго-Восточной Азии (ЮВА), где расположены 10 государств Глобального Юга (плюс Сингапур), и Центральной Азии, которая объединяет Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан (Таблица 1).

Таблица 1. Региональные и страновые объекты интереса арабских стран в Евразии (статистические параметры)¹⁴

Страна/регион	Размер территории (км ²)/ место в Евразии (мире)	Численность населения (чел.)/ местов Евразии (мире)	Размер экономики (номинальный ВВП)/ место в Евразии (мире)	Мощь ВС/ место в Евразии (мире)	Ядерный потенциал/ место в Евразии (мире)
Россия	17 233 900/1 (1)	146 149 770/6 (9)	1 862 470/4 (11)	1 (2)	1 (1)
Китай	9 598 962/2 (3)	1 467 310 112/1 (1)	17 700 899/1 (2)	2 (3)	2 (5)
ЮВА (10 стран)	4 494 614 3 (—)	692 686 959/3 (—)	3 366 730 3 (—)	—	—
ЦА (5 стран)	4 006 553/4 (—)	78 765 404/11 (—)	456 003/6 (—)	—	—
Индия	3 287 263/5 (7)	1 445 788 250/2 (2)	3 732 224/2 (5)	3 (4)	4 (7)
Иран	1 648 000/7 (17)	87 890 128/10 (18)	366 438/16 (42)	7 (14)	—
Пакистан	803 940/9 (34)	238 299 342/4 (5)	340 636/17 (46)	5 (9)	3 (6)
Турция	780 580/10 (36)	89 853 870/9 (17)	1 154 600/5 (17)	4 (8)	—

Внешняя торговля и ВЭД как драйверы интереса арабских стран к Евразии

Арабским элитам и деловым кругам, прежде всего аравийских монархий с их амбициозными стремлениями построить «экономику XXI века», импонируют передовые технологический и военный потенциалы России, характерные для Глобального Севера, но и присущая евразийскому Не-Западу¹⁵ парадигма равноправных отношений с Глобальным Югом. Россия, в свою очередь, находясь под санкциями, заинтересована в поиске новых рынков сбыта для своих товаров и услуг и источников инвестиций. Отражением встречного интереса является интенсивный дипломатический трафик, в том числе встречи глав государств и правительств. Примером служат переговоры президентов РФ и ОАЭ 16 июня 2023 г. на полях XXVI Петербургского международного экономического форума (где ОАЭ имели статус страны-гостя) и ответный блиц-визит В.В. Путина в Абу-Даби 6 декабря.

Египет, а также Алжир и другие государства Магриба¹⁶ привлекают российские возможности в сфере энергетики (строительство египетской АЭС Ад-Дабаа) и в плане обеспечения продовольственной безопасности на фоне украинского кризиса. Что создает предпосылки

¹⁴ Источники: Список стран и зависимых территорий по площади // Знание [Электронный ресурс]. URL: https://znanierussia.ru/articles/Список_стран_и_зависимых_территорий_по_площади (дата обращения: 17.02.2024); Population of the world and countries // Countrymeters.info [Электронный ресурс]. URL: <https://countrymeters.info/en> (дата обращения: 11.02.2024); World Economic Outlook database: October 2023. Report // International Monetary Fund [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October> (дата обращения: 17.02.2024). Статистические данные приводятся без учета ВВП Гонконга и Макао, принадлежащих КНР; 2024 Military Strength Ranking // The GlobalFirepower [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 17.02.2024); The Status of Nuclear Forces (estimated, as of January 2023) // Hiroshima for Global Resource [Электронный ресурс]. URL: <https://hiroshimaforpeace.com/en/nuclearweapon2023/> (дата обращения: 17.02.2024).

¹⁵ Геополитический термин «Не-Запад» применительно к России активно используется отечественными политологами, в том числе в контексте теории международных отношений [Алексеева 2017, 217].

¹⁶ В регион Магриба (перев. с арабск. — западная часть) входят Алжир, Мавритания, Марокко, Ливия, Тунис, а также частично признанная Сахарская Арабская Демократическая Республика.

для налаживания взаимовыгодного сотрудничества, объективно придавая арабо-российскому «вектору интереса» в Евразии двусторонний характер.

Применительно к Китаю, Индии и государствам ЮВА страны ЛАГ ставят во главу угла торговлю сырьевыми и промышленными товарами, хотя товарооборот, как видно из Таблицы 2 (данные ресурса WITS за 2021 год), пока что по большей части носит несбалансированный характер в пользу держав Евразии, явный в случае Китая и России и менее выраженный с Индией и Индонезией. При этом, несмотря на наличие потенциала роста, к числу главных торговых партнеров Египта, ОАЭ и Саудовской Аравии можно сейчас отнести лишь Китай и в определенной степени Индию.

Таблица 2. Общая статистика внешней торговли между арабскими и евразийскими странами¹⁷

Страна Евразии/ арабская страна	Египет	ОАЭ	Саудовская Аравия
Индия:			
объем товарооборота (млрд ам. долл.)	4,80	44,85	17,21
сальдо торгового баланса (млрд ам. долл.)	0,14 в пользу Индии	3,10 в пользу ОАЭ	1,06 в пользу Индии
доля евразийской страны в экспорте/ импорте арабской страны (%)	5,72/3,35	5,64/6,01	3,19/5,29
Индонезия:			
объем товарооборота (млрд ам. долл.)	1,28	3,12	3,53
сальдо торгового баланса (млрд ам. долл.)	1,07 в пользу Индонезии	1,85 в пользу Индонезии	0,34 в пользу Индонезии
доля евразийской страны в экспорте/ импорте арабской страны (%)	0,26/1,60	0,15/0,71	0,56/1,27
Китай:			
объем товарооборота (млрд ам. долл.)	11,30	60,87	41,19
сальдо торгового баланса (млрд ам. долл.)	8,72 в пользу Китая	42,73 в пользу Китая	19,28 в пользу Китая
доля евразийской страны в экспорте/ импорте арабской страны (%)	3,16/13,57	2,13/14,90	3,83/19,80
Россия:			
объем товарооборота (млрд ам. долл.)	2,88	5,16	1,52
сальдо торгового баланса (млрд ам. долл.)	2,08 в пользу России	2,26 в пользу России	1,36 в пользу России
доля евразийской страны в экспорте/ импорте арабской страны (%)	0,99/3,36	0,34/1,70	0,03/0,94

Функциональное содержание векторов интереса арабских стран к Евразии

Лапидарно рассмотрев ряд аспектов внешней торговли (собственно ее обзор не входит в задачи статьи), стоит перейти к другим слагаемым векторов интереса арабов к Евразии и евразийским государствам. Речь идет как о политических диалогах и участии стран ЛАГ в интеграции на пространстве Евразии и в объединениях с членством ведущих евразийских держав, так и о сферах экономики, связанных с инвестициями, технологическим суверенитетом и продовольственной безопасностью.

При помощи контент-анализа и метода визуализации данных все эти элементы можно резюмировать в виде таблицы (Таблица 3) с использованием примеров пяти государств ЛАГ, расположенных в различных субрегионах БВСА и обладающих отличными друг от друга моделями экономик. На основе двумерного критерия выбраны Алжир (крупнейшая держава Магриба с моноэкспортом углеводородов), Египет (самая густонаселенная страна БВСА и Африки с диверсифицированной экономикой и развитым военно-промышленным комплексом), Ирак

¹⁷ Источник: World Integrated Trade Solutions // World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://wits.worldbank.org/countrystats.aspx?lang=en> (дата обращения: 17.02.2024). Показатели округлены автором до сотых. Более поздние данные отсутствуют.

(некапиталоизбыточная экономика с моноэкспортом нефти), ОАЭ (технологический лидер в арабском мире, капиталозыбыточная экономика с растущей диверсификацией) и Саудовская Аравия (капиталозыбыточная сырьевая экономика с попытками диверсификации). В качестве визави выступают Россия, Китай и Индия как евразийские державы-лидеры с точки зрения своих внешнеполитических, экономических, военных и технологических возможностей и потенциалов.

Таблица 3. Области и индикаторы интереса арабских стран к Евразии (без учета внешней торговли)¹⁸

Страна	Политика	Инвестиции	Технологии	Продовольственная безопасность
Алжир	Поданы заявки на вступление в БРИКС (объединение с участием евразийских держав) и на статус наблюдателя в ШОС.	В июле 2023 г. в Пекине в ходе визита президента Алжира Абдельмаджида Теббуна достигнута договоренность о выделении 36 млрд ам. долл. китайских инвестиций на проекты в сфере технологий, умной экономики, транспорта и сельского хозяйства.		4-е место по импорту российской пшеницы (2023); на сумму 699 млн ам. долл. (2022)
Египет	Член БРИКС; имеет статус партнера по диалогу в ШОС.	В 2016 г. в Каире заключен пакет из 21 соглашения с Китаем, который предусматривал инвестиции из КНР на 15 млрд долл. За 2017-2022 гг. эти капиталовложения выросли на 317%.	С 2016 г. в Египте «Росатомом» запущен проект АЭС Ад-Дабаа. В 2014 г. в Пекине подписано соглашение с Китаем о «стратегическом партнерстве» в сфере обороны, технологий, контртерроризма и кибербезопасности.	2-е место по импорту российской пшеницы (2023); на сумму 2 221 млн ам. долл.
Ирак	Подана заявка на статус наблюдателя в ШОС.	Вехой в развитии экономического сотрудничества с Китаем стал визит в Пекин в сентябре 2019 г. делегации во главе с премьер-министром Ирака Адилем Абдул-Махди (тогда было подписано 8 соглашений); импульс развитию связей с РФ придал визит в Москву 10-11 октября 2023 г. нынешнего премьер-министра Ирака Мухаммеда ас-Судани, который принял участие в форуме «Российская энергетическая неделя».		
ОАЭ	Член БРИКС; имеет статус партнера по диалогу в ШОС; предлагает свое посредничество в контексте украинского кризиса.	Прямые китайские инвестиции в ОАЭ выросли с 6,3 млрд долл. в 2020 г. до почти 11,9 млрд долл. в 2022 г.	26 октября 2021 г. Россия и ОАЭ подписали межправсоглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космоса в мирных целях.	Индия в 2022 г. заняла 1-е место по экспорту агропродукции и продовольствия в ОАЭ на сумму 2,68 млрд долл.
КСА	Принятие посредничества Китая по нормализации отношений с Ираном; имеет статус партнера по диалогу в ШОС.	12 декабря 2023 г. на китайско-саудовской конференции по инвестициям в Пекине подписано 60 соглашений на 25 млрд долл.	На высшем и высоком уровне с 2016 г. активно обсуждаются вопросы подключения КНР к саудовской программе диверсификации экономики Vision 2030 (вехой стал визит в КСА Председателя КНР Си Цзиньпина 7-8 декабря 2022 г.	Россия в 2022 г. поставила в КСА рекордные 1,8 млн т пшеницы (всего стоимость агроэкспорта достигла 1 млрд долл., включая поставки мясной продукции).

Как видно из таблицы, арабские страны проявляют интерес к интеграции в рамках Шанхайской организации сотрудничества: Бахрейн, Египет, Катар, Кувейт, ОАЭ и Саудовская Аравия являются партнерами по диалогу с ШОС (6 из 14 государств с таким статусом). С 1 января 2024 г. Египет и ОАЭ вступили в БРИКС, а Алжир ранее подал заявку на вступление. Рабочими механизмами выступают Стратегический диалог Россия — ССАГПЗ (6-я встреча прошла 6–10 июля 2023 г. в Москве)

¹⁸ Источники: The Growth of Chinese Influence in Egypt: Signs and Consequences // The Washington Institute for Near East Policy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/growth-chinese-influence-egypt-signs-and-consequences> (дата обращения: 17.02.2024); China to Invest \$36 Billion Across Multiple Sectors in Algeria, Ennahar TV Reports // Reuters [Электронный ресурс] URL: <https://jp.reuters.com/article/idUSL1N3960JC/> (дата обращения: 17.02.2024); UAE and China Explore Strengthening of Cooperation in Trade, Investment, Energy, Manufacturing, Technology, Health & Transportation // UAE Ministry of Economy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moec.gov.ae/en/-/uae-and-china-explore-strengthening-of-cooperation-in-trade-investment-energy-manufacturing-technology-health-transportation> (дата обращения: 17.02.2024); India Exports to United Arab Emirates // Trading Economics [Электронный ресурс]. URL: <https://tradingeconomics.com/india/exports/united-arab-emirates> (дата обращения: 17.02.2024); Saudi-China Investment Event Witnesses Deals Worth \$25bn // Arab News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arabnews.com/node/2424676/business-economy> (дата обращения: 17.02.2024).

и Группа стратегического видения «Россия — исламский мир» (19 мая 2023 г. состоялось ее заседание на полях XIV Международного экономического форума «Россия — исламский мир KAZANFORUM»).

Вектор интереса стран ЛАГ к Центральной Азии является скорее односторонним, притом что арабские страны, и в первую очередь ССАГПЗ, выступают донором, а государства ЦА — реципиентом помощи. На фоне скромных объемов товарооборота, которые, по статистике WITS, исчисляются миллионами/ десятками миллионов ам долл., рычагами для распространения арабского влияния стали инвестиции, услуги исламского банкинга и страхования.

В этой связи стоит внимательно присмотреться к такому примеру в реализации центральноазиатского вектора в политике исламских и арабских стран, как деятельность Исламского банка развития (ИБР), в капитале которого доминируют монархии ССАГПЗ, во всех пяти государствах ЦА с преимущественно мусульманским населением плюс в Азербайджане в Закавказье¹⁹, о которой рассказывает Б. де Кордые. Резонно задаваясь вопросом, являются ли операции банка в Южной Евразии сотрудничеством на общей почве идентичности (первый тезис), или же каналом для инвестирования капиталов Персидского залива (второй тезис), он сам выбирает первое утверждение, ссылаясь на стремление властей Азербайджана после распада СССР восстановить связи с более широким исламским миром, помимо побуждений голого практицизма [Де Кордые 2014, 66, 69]. Что стыкуется с дихотомией «реализм — либерализм», рассматриваемой в данной статье на примере факторов интереса арабских стран к Евразии.

Наряду с ЦА, при финансовой и концептуальной поддержке со стороны монархий ССАГПЗ основанная на принципах и нормах шариата исламская финансовая индустрия (ИФИ), куда вместе с банковским сектором входят рынок ценных бумаг и система страхования, пришла в Россию. 4 августа 2023 г. был принят федеральный закон об экспериментальном запуске в отдельных субъектах РФ партнерского финансирования, то есть исламского банкинга²⁰, который на тот момент уже получил распространение в Башкортостане, Дагестане, Нижегородской области, Татарстане и Чечне²¹.

Помимо зоны Персидского залива, структуры ИФИ давно и успешно работают на пространстве Евразии в ЮВА (Малайзия, Индонезия), Иране и Индии. По статистике пекинского центра финансовой аналитики The Asian Banker за 2021 год, в десятке крупнейших исламских банков мира по два банка представляли Саудовскую Аравию, ОАЭ, Малайзию и Катар²². Страна-лидерами по размеру активов ИФИ были Иран (1235 млрд ам. долл.), Саудовская Аравия (896 млрд долл.), Малайзия (650 млрд долл.), ОАЭ (252 млрд долл.) и Катар (186 млрд долл.), а в список государств с наибольшим числом исламских банков входили Малайзия (17 банков), Индонезия (9), Бангладеш (7) и Бахрейн (7)²³.

Индикатором взаимного интереса государств ССАГПЗ и ЦА является растущая дипломатическая активность, которая включает в себя визиты на высшем уровне: 5–8 июня 2023 г. эмир Катара Тамим бин Хамад Аль Тани посетил Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан и Таджикистан; 13–14 февраля 2024 г. состоялся первый в истории визит в Доху Президента Казахстана К-Ж. К. Токаева. В его ходе стороны подписали свыше 10 соглашений и меморандумов; Астана заявила о готовности нарастить экспорт в Катар по 60 несырьевым позициям на сумму

¹⁹ ИБР учрежден в 1973 году, то есть сразу после начала нефтяного бума, министрами финансов государств — членов Организации исламской конференции (с 2011 года — Организация исламского сотрудничества, ОИС); штаб-квартира ОИС расположена в саудовском городе Джидда.

²⁰ Законопроект № 198584-8 // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/198584-8> (дата обращения: 17.02.2024).

²¹ Матвеев И.А. Поможет ли исламский бандинг России выстоять против санкций Запада? // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pomozhet-li-islamskiy-banking-rossii-vystoyat-protiv-sanktsiy-zapada/> (дата обращения: 17.02.2024).

²² The Largest Banks Rankings // The Asian Banker [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theasianbanker.com/ab500/2018-2019/largest-islamic-banks> (дата обращения: 17.02.2024).

²³ Там же.

250 млн долл.²⁴ Подобные подвижки позволяют надеяться, что в обозримой перспективе вектор ЛАГ — ЦА приобретет двусторонний характер.

Об общности ценностей евразийских и арабских стран

Невзирая на глубокие культурно-исторические различия между Россией, Китаем и Индией, с одной стороны, и арабо-исламской цивилизацией²⁵, с другой, в связи с чем российские официальные лица и эксперты все чаще говорят о феномене «государство-цивилизация» (civilizational state), причисляя к таковым Россию, Индию, Иран и Китай²⁶, при детальном рассмотрении оказывается, что евразийские и арабские страны разделяют общие ценности. Их анализ позволяет подсветить факторы роста интереса арабских стран к Евразии через призму дискурса «либерализма».

Так, понятия Русского мира с ролью России как обширной евразийской державы, которая сплотила русский и другие народы²⁷, и Китайского мира (Sinosphere, Sinic world), объединяющего страны Восточной Азии с культурным влиянием Китая, по ряду критериев можно сопоставить с Арабским миром, или «арабской родиной» (арабск. аль-ватан аль-арабий). К ним относятся следующие:

- великодержавное прошлое с многовековыми периодами совместного проживания народов в составе крупных государств, лидировавших в различные периоды истории человечества (средневековье, новое время; Китай также в древности, а Россия в новейшее время). Конкретно речь идет о Российской империи, а затем СССР, империях Цинь и Цин в Китае, арабских халифатах и сменившей их Османской империи;
- лингвистический аспект — наличие языка межнационального общения, будь то русский, вэньянь (классический письменный) и путунхуа (официальный) в Китае, арабский аль-фусха (литературный, язык Корана), во времена Османской империи — османский язык со значительными арабскими заимствованиями;
- социально-культурный и социально-психологический критерий — общая принадлежность к мировой религии (религиям): христианство и ислам в России, буддизм в Китае, ислам у арабов; обусловленные великим прошлым национальное самосознание и чувство патриотизма; на «арабской улице» до сих пор разделяют людей на сограждан (мы — алжирцы, египтяне, сирийцы и т.д.), арабов (всех жителей «арабской родины») и прочих — иностранцев (аджаниб).

Несмотря на идейные споры о том, представляет ли «арабская родина» единое культурно-языковое (не говоря о политическом) пространство, на котором проживает единая арабская нация (аль-умма аль-арабийя), или же оно является многосоставным с несколькими нациями (аравийской, египетской, магрибинской, сирийской)²⁸, ключевой детерминантой созвучности подходов той же

²⁴ Визит Токаева в Катар: подписано более десяти соглашений и меморандумов // Мир 24 [Электронный ресурс]. URL: <https://mir24.tv/news/16580674/vizit-tokaeva-v-katar-podpisano-bolee-desyati-soglashenii-i-memorandumov> (дата обращения: 17.02.2024).

²⁵ Термин «арабо-исламская цивилизация» часто встречается в отечественных научных трудах [Кирмасов 2012, 186].

²⁶ О России как государстве-цивилизации говорил В.В. Путин, выступая на пленарной сессии XX Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г. в Сочи: Владимир Путин принял участие в XX Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». Стенограмма пленарной сессии // Международный дискуссионный клуб «Валдай» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-prinyal-uchastie-v-xx-ezhegodnom-zasedanii-kluba-valda/> (дата обращения: 17.02.2024); особое положение России как самобытного государства-цивилизации отражено в редакции КВП РФ 2023 г. Отечественные эксперты выделяют в числе характеристик государства-цивилизации единство исторического и территориального пространства, общность исторической памяти/ социально-исторического опыта; высокоразвитый литературный язык, который выступает в качестве средства межнационального общения (lingua franca) для абсолютного большинства населения соответствующего государства [Володин 2022, 106].

²⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 17.02.2024).

²⁸ Странники панарабского национализма воспринимают единую арабскую сущность (аль-Уруба) в виде дихотомии панарабской (кауми) и страновой (кутрий) идентичностей [аль-Кавакиби 2014]. Апологеты странового национализма говорят о многонациональном арабском мире с присущей каждой из наций уникальной повесткой [Абу Амша 1998, 144].

России и арабских стран к восприятию себя и окружающего мира остается нарратив «принадлежности к великой исторической Общности». В подтверждение можно сопоставить в историческом разрезе российский и арабский опыт (Таблица 4).

Таблица 4. Идеологии, лозунги и объединительные шаги на пространствах Евразии и «арабской родины»²⁹

Критерий	Россия	Арабский мир
Идеологии и концепции		
Новое время (конец XIX – начало XX в.)	Панславизм	Арабизм
Новейшее время (вторая половина XX в.)	Советский интернационализм (после отказа от идеи мировой революции)	Баасизм (арабское социалистическое возрождение), насеризм (арабский национализм — идеи лидера Египта Г-А. Насера); третий путь — концепция прямой народной демократии (джамахирийя) ливийского лидера М. Каддафи
Новейшее время (начало XXI в.)	Суверенная демократия; неоевразийство — «четвертый путь» А.Г. Дугина; Россия как государство-цивилизация	Искусственная архаизация ислама — салафизм и ваххабизм с призывами к возврату к «золотому веку ислама» времен средневековых халифатов
Лозунги	«Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь!» Модернизация без вестернизации	Лозунги баасистов и насеристов: Единство, свобода, социализм (Вахда, Хурийя, Иштиракийя); Арабская нация — единая, ее миссия — бессмертна (Умма Арабийя вахида, зат рисаля халида); лозунг ИГИЛ ³⁰ : Сохраниться и расширяться (Бакия ва татамаддад)
Объединительные шаги	Создание СССР (1922–1991); интеграция на постсоветском пространстве: СНГ (с 1991), ОДКБ (с 1992), Евразийский экономический союз (с 2014, до этого — в 2001–2014 — Евразийское экономическое сообщество)	Создание Лиги арабских государств (1945); нереализованные проекты Великой Сирии и «Благодатного полумесяца» (1943–1958); проекты межгосударственного объединения: Объединенная Арабская Республика (1958–1961), Федерация арабских республик (1972–1977), концепция арабской солидарности (ат-тадамун аль-арабий); создание субрегиональных объединений: ССАГПЗ (1981), Союз Арабского Магриба (1989)

Характерно, что общность взглядов находит отражение не только в идеях и лозунгах, но и в политической практике. Пример — длительное присутствие сирийских войск в соседнем Ливане (1976–2005) в соответствии с принципом «безопасность выше суверенитета» — в рамках ирредентистской доктрины, которую в самом Ливане назвали «доктриной Асада» [Пакрадуни 1987, 73] (в честь президента Сирии Х. Асада), а на Западе — «великосирийской доктриной» [Ma'oz 1994, 101]. По той же логике саудовские и эмиратские силовики в марте 2011 года подавили протесты «арабской весны» в Бахрейне.

Заключение

Факторы, вызывающие устойчивый рост интереса арабских стран к евразийскому геополитическому пространству в целом и отношениям с Россией, Китаем и Индией в частности носят разноплановый и долговременный характер, укладываясь в парадигмы реализма и «либерализма» в международных отношениях. У ведущих держав Евразии и БВСА сложилось отличное от Запада восприятие нынешнего исторического момента как неизбежного и магистрального перехода от однополярного мира к многополярному.

Государства Евразии и арабского мира сталкиваются с одинаковыми вызовами и угрозами в области национальной безопасности, экономики и социальных отношений, вызванными

²⁹ Составлено автором.

³⁰ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

глобализацией и связанной с ней западной политикой глобализма и несправедливым разделением труда в мировой экономике. Налицо стремление России и стран Глобального Юга в Евразии и регионе БВСА к укреплению независимости, самостоятельной роли на международной арене, экономического и технологического суверенитета, что включает в себя меры по обеспечению национальной идентичности, информационной и культурной безопасности.

Неподдельный интерес арабов к Евразии с учетом встречной заинтересованности открывает широкие горизонты для активизации политдиалога, торгово-экономического, инвестиционного и технологического сотрудничества между Россией, Китаем, Индией, государствами ЮВА и ЦА и арабскими странами с подключением к арабо-евразийским проектам неевразийских «восходящих держав», таких как Бразилия и ЮАР.

Для российской стороны важно, что в странах ЛАГ, невзирая на западное давление, с пониманием восприняли СВО на Украине не только из соображений прагматизма, но и потому что рассматривают ее в качестве вынужденной меры в ответ на отказ Запада признать принцип неделимости безопасности, на чем настаивала Москва. Все это создает реальные возможности для реализации касающихся Евразии, БВСА и исламского мира положений КВП РФ.

Список литературы:

Алексеева Т.А. «Запад» и «Не Запад» в пространстве теории международных отношений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 217–232. DOI: [10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232](https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232)

Володин А.Г. Индия как «государство-цивилизация» // Общественные науки и современность. 2022. № 6. С. 106–124. DOI: [10.31857/S0869049922060089](https://doi.org/10.31857/S0869049922060089)

Де Кордые Б. Операции исламского банка развития в Южной Евразии: что это — сотрудничество на общей почве идентичности или канал для инвестирования капиталов Персидского залива? // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. № 3. С. 63–74.

Кирмасов Б.А. Исторические аспекты формирования культурных традиций арабо-исламской цивилизации // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 186–192.

Кисленко И.Ю. О роли понятий «глобальный Север — Юг» в глобальной социологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. № 2. С. 116–128. DOI: [10.21638/spbu12.2020.201](https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.201)

Манойло А.В. Специфика цветных революций «Арабской весны» // Известия Уральского Федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. Т. 3. № 3. С. 30–36.

Мельвиль А.Ю. Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России? // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Хрестоматия. В 4 т. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 1. С. 330–339.

Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. Т. 7. № 1. С. 66–96.

Пакрадуни К. Неудавшийся мир: мандат Ильяса Саркиса (1976–1982). М.: Прогресс, 1987.

Труевцев К.М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности. М.: Институт востоковедения РАН, 2020.

Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. Cambridge, MA, USA: MIT Press, 1966.

Guelke A. Introduction: Advancing Peace in Deeply Divided Societies // Democracy and Ethnic Conflict: Advancing Peace in Deeply Divided Societies / ed. by A. Guelke. London: Palgrave Macmillan, 2004. P. 1–4. DOI: [10.1057/9780230523258_1](https://doi.org/10.1057/9780230523258_1)

Ma'oz M. Jordan in Asad's Greater Syria Strategy // Jordan in the Middle East, 1948–1988: The Making of the Pivotal State / ed. by J. Nevo, I. Pappé. London — New York: Routledge, 1994. P. 95–102.

Von Rochau L.A. Grundsätze der Realpolitik angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands. Stuttgart: K. Göpel, 1853.

Абу Амша А. Лузум ма йальзам [Нужные императивы] // Мафакхим каумийя иджтимаыйя [Сборник: Национал-социальные идеи]. Ч. 1. Дамаск: Алеф – Баа, 1998.

Аль-Кавакибби А. Умм аль-Кура [Мать деревень]. Каир: Дар аль-Китаб аль-Масри аль-Любнани, 2014.

References:

Abu Amsha A. (1998) Luzum ma ya'zam [Pending imperatives (in Arabic)]. *Mafakhim kaumiyya idzhtimay-ayya* [Collected papers: National-Social Ideas]. Part 1. Damascus: Alef – Baa.

Alekseeva T.A. (2017) "The West" and "Non-West" in the Space of International Relations Theory. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 17. No. 2. P. 217–232. DOI: [10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232](https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232)

Al-Kawakibi A. (2014) *Umm al'-Kura* [Mother of All Villages]. Cairo: Dar al'-Kitab al'-Masri al'-Lyubnani.

De Cordier B. Operatsii islamskogo banka razvitiya v Yuzhnoy Evrazii: chto eto — sotrudnichestvo na obshchey pochve identichnosti ili kanal dlya investirovaniya kapitalov Persidskogo zaliva? [Operations of the Islamic development bank in Southern Eurasia: What is it, cooperation on a common basis of identity or a channel for investing capital from the Persian Gulf?]. *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz*. Vol. 17. No. 3. P. 63–74.

Friedmann J. (1966) *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. Cambridge, MA, USA: MIT Press.

Guelke A. (2004) Introduction: Advancing Peace in Deeply Divided Societies. In: Guelke A. (ed.) *Democracy and Ethnic Conflict: Advancing Peace in Deeply Divided Societies*. London: Palgrave Macmillan. P. 1–4. DOI: [10.1057/9780230523258_1](https://doi.org/10.1057/9780230523258_1)

Kirmasov B.A. (2012) The Historical Aspects of the Formation of Arabic and Islamic Civilization's Cultural Traditions. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*. No. 3. P. 186–192.

Kislenko I.Yu. (2020) On the Role of the "Global North —South" Notions in Global Sociology. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. Vol. 13. No. 2. P. 116–128. DOI: [10.21638/spbu12.2020.201](https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.201)

Ma'oz M. (1994) Jordan in Asad's Greater Syria Strategy. In: Nevo J., Pappé I. (eds.) *Jordan in the Middle East, 1948–1988: The Making of the Pivotal State*. London —New York: Routledge. P. 95–102.

Manoilo A.V. (2013) Managing the Color Revolutions of the Arab Spring. *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki*. Vol. 3. No. 3. P. 30–36.

Melville A.Y. (2002) Liberal'naya vneshnepoliticheskaya al'ternativa dlya Rossii? [A liberal foreign policy alternative for Russia?]. *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoy Rossii, 1991–2002*. Textbook in 4 vol. Moscow: ROSSPEN. Vol. 1. P. 330–339.

Naumkin V.V. (2015) Deeply Divided Societies in the Middle East: Conflict, Violence, and Foreign Intervention. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika*. Vol. 7. No. 1. P. 66–96.

Pakradouni K. (1987) *La Paix Manquee: Le Mandat D'Elias Sarkis (1976–1982)*. Moscow: PROGRESS.

Truyevtsev K.M. (2020) *Globalizatsiya i arabskiy mir: do i posle dvukh voln turbulentnosti* [Globalization and the Arab world: Before and after the two waves of turbulence]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.

Volodin A. (2022) India as a Civilizational State. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 6. P. 106–124. DOI: [10.31857/S0869049922060089](https://doi.org/10.31857/S0869049922060089)

Von Rochau L.A. (1853) *Grundsätze der Realpolitik angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands*. Stuttgart: K. Göpel.

Дата поступления/Received: 28.03.2024